

149. Воспоминания о Ленине, ч. I.M., 1956, с. 454.

150. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 257.

Г.В. Павленко

К. ЛИБКНЕХТ И РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ

"Отличившийся на каждом горе, готовый ринуться в бой всюду и всегда, где он встречал проявление насилия или несправедливости, Карл Либкнехт был не только вождем, но и другом, товарищем, своим человеком среди рабочих. Сколько неоценимых услуг оказывал Либкнехт русским товарищам, когда им приходилось бежать через Германию, спасаясь от преследований паризма! У Либкнехта было истинно интернациональное сердце: он не знал разницы между немцами, французами, русскими. Раз вы - товарищ - значит партия должна идти вам навстречу, помогая вам, заботясь о вас... И первый, кто хлопотал о каждом чужеземном товарище, очутившемся на земле, где царили Гогенцоллерны, где порядки мало чем отличались от старого режима в России, - это был Карл Либкнехт".

А.М. Коллонтай. Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 260-261

В конце 1991 г. в Токио состоялась международная конференция, посвященная научному наследию Р. Люксембург и его роли и месту применительно к современному быстро меняющемуся миру и будущему человечества. В ней приняли участие ученые Австрии, Германии, Греции, Китая, Польши, бывшего СССР, Швейцарии, Южной Кореи и, естественно, Японии. Только с японской стороны в конференции приняло участие более 30 профессоров ряда японских университетов. Участники конференции пришли к выводу "о большой актуальности многих компонентов наследия Р. Люксембург для осмысления современных процессов развития и решения актуальных задач не только настоящего, но и будущего".¹

Все вышесказанное о Р. Люксембург в полной мере относится и к ее соратнику и единомышленнику по революционной борьбе в германском и международном рабочем движении - Карлу Либкнехту. В

условиях, когда произошел распад СССР, а бывшие его рдетели в большинстве своем превратились в его безудержных хулителей, — вид отечественной наукой нависла реальная опасность потерять научные критерии и стать на путь, в угоду политиканствующим конъюнктурщикам, огульного очернения всего, что связано с пост-октябрьским развитием нашего общества, и, наоборот, безудержно восхваления царизма, его внутренней и внешней политики. Не утывая себя серьезными занятиями историей, не обладая элементарной порядочностью и чувством ответственности перед обществом за печатное слово, многочисленные публицисты, радио- и телекомментаторы в то — чего греха таить — облаченные высокими научными титулами и званиями, историки поспешно меняют знак "плюс" на знак "минус". Изображая СССР "империей ада и насилия", они всячески обеляют, вопреки исторической правде, его предтечу — царизм. Так на наших глазах рождается легенда о царизме как охоте "мира, демократии и свободе", а по центральным каналам радио и телевидения часами гремит молебствия и отпевания "невинно-убиенного царя-батюшки".

В таком контексте не остается места действительной революционной и демократической тенденции в истории России, как и вливших в ее состав многочисленных народов. Справивается, зачем боролось с царизмом и умирали, приближая его падение, несколько поколений российских революционеров?

В этой связи неожиданную актуальность приобретает такая сторона деятельности К.Либкнехта, как его концепция царизма и его неуклонная борьба против царизма, его акции по разоблачению царизма перед всем цивилизованным миром, его помощь всем и каждому, кто только вступал на путь борьбы с царскими сатрапами, его бескорыстная защита жертв царского деспотизма.

Тема эта приобретает особую актуальность еще и потому, что дает возможность по-новому посмотреть на связи и сотрудничество К.Либкнехта с революционной Россией. Раньше эта тема рассматривалась главным образом только марксистской историографией и рассматривалась весьма одностороннее, только через призму связей К.Либкнехта с большевиками.²

Типичнейшим образчиком того, как однобоко решалась эта тема еще совсем недавно в советской историографии, можно судить по следующему пассажи, взятому нами из очерка о К.Либкнехте доктор философии наук А.Г.Мисдивченко: "Важное значение в идейном формировании Либкнехта имели его связи с русскими революционерами-большевиками, проживавшими в немецкой эмиграции. Он выступил в германских судах с решительной защитой ряда сторонников Ленина

от полицейских преследований".³

Между тем К.Либкнехт, как и вся германская социал-демократия, хорошо разбиралась в тактических разногласиях между отдельными партиями и группами в российском освободительном движении, хорошо понимал, что его сила — в единстве и сплочении своих рядов. Другими К.Либкнехта среди россиян, проживавших в Германии, были и большевики и меньшевики, и бундовцы и представители других политических партий и групп. Защищая российских революционеров перед судами кайзеровской Германии, Карл Либкнехт и его старший брат Теодор Либкнехт, как адвокаты, никогда не придавали большого значения тому, к какому политическому спектру российского революционного движения принадлежал тот или иной их подопечный. Они защищали и большевиков, и меньшевиков, и бундовцев, и представителей других политических партий и организаций. Документально подтверждают это. Настало время более объективно и всесторонне осветить и эту сторону деятельности К.Либкнехта.

x x
x

Карл Либкнехт не просто симпатизировал, — он был влюблен в российских революционеров, неустанно пропагандировал их формы и методы борьбы в германском рабочем движении. На его письменном столе еще в студенческие годы постоянно стояла фотография Софьи Перовской.⁴ И Лядов вспоминал, как загорались глаза у Карла Либкнехта, когда в его присутствии революционеры из России рассказывали ему о борьбе, своей и своих товарищей, с царизмом. "Бот что было бы по мне, — говорил он, — это не то, что наша будничная парламентарная работа".⁵

Хорошо понимая, какое огромное значение будет иметь победоносная пролетарская революция в России для судеб не только российского, но и международного пролетариата, Карл Либкнехт делал все возможное, чтобы приблизить этот день. Он не только защищал российских революционеров от преследований монархий Романовых и Гогенцоллернов, но и сам словом и делом вел бескомпромиссную борьбу с царизмом. В концепции К.Либкнехта царизм был врагом свободы и демократии не только народов России, но и всего цивилизованного человечества. Разоблачая антинародную сущность монархии Романовых, К.Либкнехт тем самым разоблачал и реакционную сущность монархии Гогенцоллернов и ковал золотой мост взаимопонимания и братского единения народов России и Германии в борьбе против общего врага — русского самодержавия и прусско-немецкого имперско-буржуазного военного деспотизма.

Карл Либкнехт стал членом немецкой социал-демократической

рабочей партии в августе 1900 г., т.е. тогда, когда капитализм вступил уже в свою последнюю стадию - империализм, а центр мирового революционного движения все настойчивее перемещался из Германии в Россию. К чести К.Либкнехта следует сказать, что он один из первых в германском рабочем движении заметил это явление и еще активнее начал пропагандировать в ЦПГ тезис о необходимости освоения германским пролетариатом опыта российского рабочего класса. Отсюда все больший интерес К.Либкнехта к деятельности РСДРП, к российскому революционному движению в целом.

М.Дядов вспоминал, что когда сразу же после II съезда РСДРП В.И.Ленин направил его представителем ЦК в Германию, то первым, у кого он встретил полное сочувствие и понимание - был К.Либкнехт. Он не только принял самое деятельное участие в составлении, совместно с М.Дядовым, подробного доклада по истории РСДРП и рабочего движения в России, но и организовал агитационную поездку М.Дядова с этим докладом по всем крупнейшим городам Германии с тем, чтобы ознакомить германский пролетариат с российским рабочим движением и особенно с его формами и методами борьбы с царизмом. "Помню, - отмечал М.Дядов, - он требовал, чтобы я подробно останавливался на деталях нашей конспиративной работы, по его словам, совершенно неизвестной немцам, на наших нелегальных типографиях, подпольных кружках".⁶

Так как иностранцы не имели права выступать на официальных немецких собраниях, то К.Либкнехт организовал для доклада М.Дядова в пригородах Берлина и Лейпцига нелегальные сходки немецких рабочих. Сам же К.Либкнехт, вместе с несколькими молодыми агитаторами, выступал с этим докладом на открытых сходках-демократических собраниях, так что в конечном итоге удалось привлечь довольно широкие круги германских рабочих к проблемам, связанным с надвигающейся российской рабочей революцией. В отличие от партийного руководства, не одобрявшего подобной агитационной кампании К.Либкнехта и в конце-концов запретившего ее, германские рабочие, как свидетельствует М.Дядов, воспринимали доклады о русских делах с большой симпатией и заинтересованностью.⁷

Имея постоянные и прочные контакты с российской революционной эмиграцией в Берлине, К.Либкнехт по существу был в курсе всех российских дел. А.М.Кодзентай, хорошо знавшая К.Либкнехта, позже вспоминала: "Либкнехта эмигранты считали "своим" по духу, почти что "русским". Из всех вождей немецкой партии он один умел войти во все детали русских вопросов и всегда был в курсе наших

дел. Мало того - Либкнехт олицетворял собой тот истинный дух товарищества в международном масштабе, которого не хватало многим вождям II Интернационала".⁸

Карл Либкнехт настолько сдружился с русской колонией в Берлине, что не пропускал буквально ни одного вечера, которые устраивали российские революционеры в германской столице, чтобы пообщаться, раздобыть необходимые средства для партийной кассы или оказать материальную помощь наиболее бедствующим. Заодно он поощрял, как свидетельствуют материалы прусской и русской тайной полиции, тайные сходки и собрания российских революционеров, устраивавшиеся вдали от времени для обсуждения неотложных партийных дел. М.Дядов вспоминал, что даже Новый год К.Либкнехт неоднократно встречал в русской колонии, среди русских. Как-то, вспоминая об одном таком случае М.Дядов "он привел в нашу комнату еду, закурил ее красными флажками и портретами Маркса, Энгельса и других вождей. Мы создали воп нашу большевистскую братву и закусим, который мастерски готовил сам Либкнехт, и настоящим русским чаем, с бесконечными нашими песнями мы чудесно провели всю ночь. После Либкнехт говорил, что еще ни разу ему не приходилось так весело встречать Новый год".

x x x

x

Особую признательность снискал К.Либкнехт как адвокат, опекун и защитник российских революционеров в судах кайзеровской Германии. В 22 года К.Либкнехт закончил юридический факультет берлинского университета. Молодой юрист предлагал свои услуги различным официальным судебным учреждениям Берлина, но везде получал отказ. Прусская инженерско-буржуазная юстиция не желала впустить в свой клан сына известного немецкого социалиста. С большим трудом К.Либкнехту удалось найти работу по специальности в Вестфалии и на целых 4 года оставить Берлин. В 1899 г. К.Либкнехт возвращается в Берлин и начинает адвокатскую практику в столице Германской империи. К этому времени он успел уже защитить кандидатскую диссертацию по юриспруденции в университете Вюрцбурга и сдать соответствующие экзамены на дипломированного адвоката. Адвокатом стал и старший брат Карла - Теодор. До 1902 г. братья занимались частной адвокатской практикой в конторе, находившейся в центре Берлина.⁹

Подвизаясь часть клиентурой братьев Либкнехт, с самого начала составляли для труда, терпящие от капиталистической эксплуа-

тации и бесправия. Количество их все время увеличивалось и вскоре адвокатская контора братьев Либкнехт стала одной из крупнейших в Берлине. Потянулись в контору Либкнехта и русские эмигранты-революционеры, студенты.

Дело в том, что условия жизни российских революционеров в Германии были чрезвычайно трудными: прусская тайная полиция работала рука об руку с русской охранкой. Буквально на каждом шагу российского революционера, прибывавшего в Германию да еще часто не знавшего немецкого языка, ожидали неисчислимые препятствия и опасности. И. Дядов, хорошо знавший условия русской эмигрантской жизни не только в Германии, но и других странах, писал: "В Германии русским политическим эмигрантам жить было почти совершенно невозможно. От каждого русского требовалось предъявление губернского заграничного паспорта. Но мало этого, каждый русский, проживавший в Германии более трех дней, должен был явиться в полицейский участок, подвергнуться самому подробному допросу о всех своих родных, об источниках их существования, указать точно цель проживания в Германии и количество средств, которые он предполагает расходовать здесь. Немцы не удовлетворялись при этом голословным заявлением, что ты не нуждаешься, а требовали предъявить наличные деньги или какой-нибудь текущий счет в банке, или тому подобное доказательство, что ты не окажешься бременем для немецкого государства и его подданных. В Германии могли жить только состоятельные, "не зависящие" в политическом отношении русские подданные".¹¹

И тем не менее Германия, особенно в начале XX в., буквально была наводнена русскими,¹² в т.ч. и российскими революционерами и революционно настроенными студентами. Географическая близость Германии к русским границам делала ее чрезвычайно привлекательной для российской революционной эмиграции. Германия была, кроме того, и перевалочной базой для российских революционеров: и тех, которые двигались дальше на Запад и тех, которые возвращались на Запад обратно в Россию. В Германии находились постоянно и основные склады революционной литературы, которая затем переправлялась нелегально через границу в пределы царской империи. Германская социал-демократия была ведущей силой II Интернационала. И с этой точки зрения российским революционерам приходилось вступать в постоянные контакты с руководством этой партии.

Большинство российских революционеров приезжало в Германию по подложным паспортам, а то и просто нелегально переходило через границу без всяких документов. Часть из них рано или поздно

попадала в руки германской полиции. Вот здесь помощь К. Либкнехта становилась особенно необходимой. И он спешил на помощь попавшим в беду российским революционерам: как адвокат ходатайствовал о них перед полицией и судебными инстанциями, консультировал их как вести себя перед прусско-немецкой классовой юстицией и судьями, выступал адвокатом и защитником российских революционеров и революционно настроенных студентов в суде. Часто только помощью К. Либкнехта спасала российских революционеров от выдачи их немецкими властями царским властям или от длительного тюремного заключения. Официальные германские власти с открытой враждебностью относились к этой стороне деятельности Либкнехта-адвоката. Он постоянно находился под наблюдением берлинской полиции-преследования, как и опекаемые им русские революционеры, но когда речь шла о попавших в беду людях, - К. Либкнехт не знал ни страха, ни колебаний. Действовал он всегда целеустремленно, быстро, решительно, мужественно.

Не успев стать депутатом городского собрания в Берлине (за эту должность К. Либкнехт официально вступил 2 января 1902 г.),¹³ он тут же вступает в бой с прусской юстицией, спасает российских революционеров. Первой значительной акцией братьев Либкнехт было освобождение от передачи царским властям русских революционеров П. Красикова и Ф. Шаколина. История эта наделала много шума, она обогнала почти всю европейскую печать и сравнительно хорошо описана в литературе.¹⁴ Коснемся здесь только наиболее важных событий этой истории.

Профессиональный революционер П. А. Красиков, направляясь на II съезд партии, нелегально перешел русско-германскую границу, и, как сам признавал, "сел в поезд и уехал в Берлин". На самом партийном съезде, будучи вице-председателем, он непреклонно отстаивал ленинскую линию, а по пути в Россию опять оказался в Берлине и болгарским паспортом на имя Стефана Георгиева и 13 октября 1903 г. вошел в районе Шарлоттенбурга, западной части Берлина, где традиционно проживали русские, в дом № 55 по улице Канта. Там с 20 мая 1903 г. в меблированных комнатах Frau Хаак проживал по паспорту болгарина Димчо Попова другой русский профессиональный революционер, бежавший из Владимирской губернии после обнаружения полицией его связей с ленинской "Искрой" Ф. А. Шаколин. Будучи в Берлине доверенным лицом "Искры", он вместе с О. Д. Пятницким отвечал за транспортировку революционной литературы в Россию. Квартира Ф. А. Шаколина была явкой для сторонников "Искры", проезжавших через Берлин. П. А. Красиков направлялся в

Россию, чтобы, по заданию Ленина, активно бороться за реализацию решений II съезда РСДРП.¹⁵ Кроме болгарского паспорта на имя Стефана Георгиева, он имел и русский - на имя Григория Владихова.

Рано утром следующего дня в комнату ворвалось двое берлинских сыщиков, переодетых в итагское. Они произвели обыск, "найдя большое количество социал-демократической литературы на немецком и русском языках, при этом обнаружили у "болгар", не умеющих говорить по-болгарски, не только болгарские, но и русские паспортные записные книжки с русскими и немецкими адресами, частично уничтоженный кодч и шифры - и все это, вместе с задержанными, передали берлинскому полиции-президенту.¹⁷

Ф.Цехолдин обратил на себя внимание прусской полиции тем, что он, как сообщил 15 октября 1903 г. берлинский полиции-президент прусскому министру внутренних дел, "общался почти исключительно с проживавшими здесь политически подозрительными русскими но никогда с болгарями - был подписчиком "Vorwärts" и часто наехал в Берлине социал-демократического партийного экспедитора Царнберга, известного в качестве посредника в контрабанде революционной литературы в Россию. Как было достоверно установлено, он неоднократно бывал также в редакции "Vorwärts". Кроме того, незаметно удалось выяснить, что майский Попов использует эту фамилию для получения писем от русских и неоднократно представлял в своем жилище принят многим не зарегистрированным в Полиции лицам".¹⁶

16 октября 1903 г. берлинский полиции-президент сообщил о произведенном в российский Департамент полиции, переслав карточки арестованных, в также адреса, обнаруженные при аресте у П.Красикова и Ф.Цехолдина, и просил выяснить русскую полицию, "кто эти лица и известны ли они Департаменту полиции".¹⁹ В тот же день дело Красикова и Цехолдина, по указанию прусского министра внутренних дел, было передано уголовному суду. По тогдашним немецким законам он должен был санкционировать арест задержанных. Тот санкционировал арест русских революционеров, и последних перевел в тюрьму, переодев в арестантское синее платье. Осознав наивысшую опасность, Красиков и Цехолдин обратились за помощью к К.Либкнехту. Уже через несколько часов после ареста К.Либкнехт узнал о случившемся от домохозяйки Ф.Цехолдина Frau Хаак. Та сюда с К.Либкнехтом и сообщила, что ее квартирант и ночевавший у него неизвестный ей человек просил, в то время как их уводили, незамедлительно отправиться к нему - Либкнехту - и просить его выступить защитником арестованных.²⁰

П.Красиков направил на имя К.Либкнехта письмо и в газету "Vorwärts".²¹

Несколько К.Либкнехт быстро реагировал на происшедшее, узнав из полицейских материалов. Берлинский полиции-президент в доверенности прусскому министру внутренних дел от 5 ноября 1903 г. сообщил, что уже через несколько часов после ареста русских революционеров адвокат Либкнехт был в полиции-президентуре и пытался вывести их под защиту своей адвокатской конторы. Поскольку полицейские чиновники отклонили предложение Либкнехта под тем предлогом, что не установлена еще точная личность арестованных, то тот предложил внести за них денежный залог, лишь бы ускорить получение необходимых справок. И это предложение К.Либкнехта было отклонено. Таким, по сообщению берлинского полиции-президента, он начал выискивать у полицейских чиновников, не будут ли арестованные переданы русским властям. Он опасался, и как оказалось не без оснований, что прусские власти подведут арестованных П.Красикова и Ф.Цехолдина под определение "анархисты" и без суда и следствия передадут их в руки царских сапорогов.²²

Позже П.Красиков вспоминал: "Через 2-3 дня после ареста меня привели в тюремную приемную. Тогда я впервые познакомился с Карлом Либкнехтом. Он был в расцвете своих сил и произвел на меня неизгладимое впечатление своим в высшей степени сердечным, дружелюбным участием. Он не сомневался в том, что меня выведут (царскими властями - Г.Д.) и заявил, что этому нужно за всякую цену препятствовать. Его план состоял в том, чтобы затянуть процесс как можно подальше, и после приговора первой инстанции тут же апеллировать ко второй с целью использовать время. На всех этапах продвижения дела Либкнехт проявлял самую тщательную пунктуальность и точность. Он посетил меня и товарища Цехолдина несколько раз в тюрьме, заботясь о нашей одежде и пище...".²³

Между тем берлинский полиции-президент передал в Петербург Департамент полиции фотографии и настоящие фамилии и имена арестованных,²⁴ а последний, уже без особого труда, составил соответствующее досье. О П.Красикове в справке Департамента полиции значилось: "Известен по своей политической неблагонадежности с 1900 г.". О Ф.Цехолдине: "Был членом образованного в г.Иваново-Вознесенск, в связи с московским "Союзом борьбы за освобождение рабочего класса", кружка для противоправительственной агитации социал-демократического характера среди местного рабочего населения. 9 февраля 1900 г. выслан под гласный надзор полиции на 2 года в Вологодскую губернию. По отбытии срока ссылки революционной деятельностью не прекратил. 3 мая 1902 г. агентурным путем было

установлено, что названный Цеколдин занимается преступной пропагандой среди фабричного населения Пуйского уезда. В виду сего на него был произведен обыск, по коему обнаружен конспиративный мюнхенский адрес доктора Лемана, по которому с 1901 г. направлялись из России корреспонденция, прокламации и статьи в "Искру" и "Заре". На основании результатов обыска подлежал привлечению к познанию при Владимирском губернском жандармском управлении, однако 22 сентября 1902 г. скрылся, в результате чего был помещен в циркуляр о розыске от 1 января 1903 г. за № 1".²⁶

Таким образом, "послужной" список арестованных был весьма солидным и, при условии выдачи их русским властям, на чем настаивал Департамент полиции, их неизбежно ожидали бы самые суровые наказания. Между тем берлинский полицей-президент именно и намеревался это сделать. 24 октября 1902 г. он сообщал прусскому министру внутренних дел: "Я намеревался выслать их (т.е. П. Красикова и Ф. Цеколдина - Г.Д.) как неблагонадёжных иностранцев и чтобы обезопасить проведение этого мероприятия временно подверг их названных лиц временному полицейскому аресту".²⁷

Однако за дело арестованных недаром взялся К. Либкнехт. Судебное разбирательство дела П. Красикова и Ф. Цеколдина состоялось в суде присяжных заседателей соответственно 26 и 21 октября 1902 г.²⁸ Выступая на процессе против Красикова, К. Либкнехт произнес блестящую речь и разоблачил незаконные действия берлинского полицейского комиссара Винена. Эти незаконные действия он усматривал в незаконной конфискации документов арестованных и в незаконном содержании их под арестом без санкции суда. К. Либкнехт решительно отверг попытку суда наказать П. Красикова за его политические взгляды, поскольку он также же социал-демократ, как и три миллиона граждан Германской империи.²⁹

21 октября 1902 г. К. Либкнехт выступил защитником и на процессе против Ф. Цеколдина. В конечном итоге П. Красиков и Ф. Цеколдин получили довольно легкие наказания: каждый из них был осужден на три недели заключения и оплату расходов по делопроизводству. Тем не менее по совету К. Либкнехта подсудимые обжаловали даже этот приговор. Более того, 28 октября 1902 г. К. Либкнехт от имени подсудимых обратился с жалобой на берлинский полицей-президент и противоуправные действия лиц, проводивших обыск на квартире Цеколдина и конфисковавшие предметы и вещи, принадлежавшие Цеколдину и Красикову. Он потребовал немедленного их возвращения.³⁰ 31 октября Либкнехт писал в берлинский полицей-президиум: "Я с всей определенностью утверждаю, что Красикова и Попова сделали

объектом полицейских преследований не для того, чтобы обеспечить безопасность и прочие обоснованные интересы Германии или Пруссии, но единственно по просьбе русской полиции, которая предприняла эти преследования просто потому, что она подозревала, что Красиков и Попова являются членами одной из неугодных русскому правительству политических партий. Но не дело прусского государства начинать интересы отсталой России".³¹

Но самое главное - К. Либкнехт сорвал планы прусско-русских полицейских властей о высылке российских революционеров после отбытия наказания в берлинской тюрьме - в руки царской России. В таком случае их ожидали новые, более суровые наказания. Чтобы воспрепятствовать этому, К. Либкнехт начал хлопотать об освобождении Красикова под залог до рассмотрения дела в апелляционном суде и добился своего. Он внес за Красикова залог в 500 марок³² и 21 ноября вечером - это был воскресный день - за арестованными, оставив зарезервированные дрожки у дверей тюрьмы. Вместе с ним был и его брат Теодор. П. Красиков вспоминал, что тюремного надзирателя, хорошо разбирающегося в русских делах, не было на месте, а его заместитель всячески пытался отложить освобождение Красикова до понедельника. Но К. Либкнехт был неуловим, он требовал незамедлительного выполнения указания суда: ордер на освобождение П. Красикова был у него в руках. Тогда администрация выдвинула новые аргументы против незамедлительного освобождения Красикова: изъятие у него после ареста деньги находилось в кассе тюрьмы, а она была по случаю воскресения закрыта. К. Либкнехт тут же вежливо пожертвовал деньги Красикова в пользу нуждающихся заключенных. Тем не менее возникло еще одно непредвиденное препятствие: белье Красикова находилось в стирке и могло быть готовым не раньше следующего дня. К. Либкнехт заявил, что белье они заберут и мокрым. Вскоре чемодан с почти мокрым бельем был уже в руках Красикова.

Трое вышли из тюрьмы и сели в дрожки. В это время из административного здания выскочил помощник надзирателя и крикнул: "Остановитесь, господин Либкнехт. Надзиратель возвратился и требует вас к себе". "Вперед!" - приказал К. Либкнехт кучеру и дрожки быстро помчались в направлении Парроттенбурга. Это было полной неожиданностью для стоявших недалеко трех шуманов, которым было поручено арестовать Красикова по выходе из тюрьмы. Пока последние вскочили в пролетку и двинулись в погоню, - было уже поздно. Дрожки с тремя седоками исчезли.³³

Между тем братья Либкнехт и Красиков благослучно добрались до квартиры Теодора Либкнехта в Шарлоттенбурге и, сделав там короткую остановку, отправились на вокзал. Карл Либкнехт передал Красикову письмо к К.Цеткин и сказал: "Под залог я вас взял по поручению Владимира Ильича. Сейчас поедете на время к нашему другу и товарищу Кларе Цеткин в Штутгарт. В Берлине оставаться нельзя. В Вюртемберге порядки либеральнее, чем в столице. Кларе вас примет, у нее и подождете исхода касания дела".³⁴ П.Красиков вспоминал, что К.Либкнехт был чрезвычайно доволен проведенной операцией: "Он рываколся как инсана, потирал руки, смеялся своими прекрасными смехом и живо изображал физиономию полицей-президента, когда тот при утреннем докладе услышит об освобождении русского "преступника".³⁵

Через некоторое время Красиков был уже в Штутгарте. К.Цеткин дружески встретила его в своем загородном доме Дегерло. Здесь он был в полной безопасности. Отсюда, через несколько дней он выехал в Ланеву, к В.И.Ленину. Полицейские власти Берлина и Петербурга между тем продолжали и дальше обсуждать историю с Красиковым. Берлинский полицей-президент сообщил 26 ноября в министерство внутренних дел историю с "исчезновением" Красикова: "При сильном снеге и дожде, под покровом темноты и сильного движения, мчавшиеся дрожки вблизи Вайсенбургке исчезли из поля зрения следовавших за ними в дрожках первого класса агентов. Все попытки обнаружить Красикова до сих пор не увенчались успехом. Следует предположить поэтому, что последний при материальной поддержке партии скрылся за границу".³⁶ 10 ноября 1903 г. сообщил в Петербург и глава русской агентуры в Берлине А.Гардинг: "Он (Красиков - Г.Д.) должен был при выходе из тюрьмы быть вновь задержанным чинами берлинской полиции с тем, чтобы быть препровожденным на границу (по его выбору) для высылки из пределов Пруссии. Его ожидало у дверей два брата Либкнехта, известные социал-демократы из которых один член рейхстага.* Несмотря на присутствие трех агентов берлинской полиции, ожидавших у дверей выхода Красикова, они успели вскочить на извозчика и скрыться от агентов. Все розыски Красикова остались до настоящего времени безуспешными".³⁷

П.Красиков был уже в Ланеве и активно включился в борьбу против меньшевиков, а К.Либкнехт все еще всевал в Берлине с полицейскими властями и прусско-королевской юстицией, отстаивая интересы своих русских поспечных. 12 ноября 1903 г. он направил из

* Депутатом рейхстага от СДПГ К.Либкнехт стал гораздо позже, в 1912 г.

к стр. 52-53.

Der Polizei-Präsident Berlin, d. 27. November 1903, 10. 11.

Geheim!

Der Herr Staatsrat hat am 21. November 1903...

Bei dem Verbrechen...

Der Herr Staatsrat hat am 21. November 1903...

Der Herr Staatsrat hat am 21. November 1903...

Der Herr Staatsrat hat am 21. November 1903...

Für den 26. November 1903, 10. 11.

Die Fortführung...

Die Fortführung...

Die Fortführung...

Die Fortführung...

Die Fortführung...

Донесение берлинского полицей-президента 26 ноября 1903 г. - Министру внутренних дел "относительно русских Красикова и Шехольмина". Полицей-президент не только излагает историю с дрожками, но и признает, что им сочувствует и помогает вся немецкая социал-демократия, а посему он бессильен что-либо сделать против русских революционеров, если даже против них "натравить всех собак".

такой адвокатской конторы еще один протест в берлинский полицей-
департамент по поводу самоуправства властей и полицейского произво-
ла в отношении П.Красикова и Ф.Школкина. В конце-концов он
знает того, что и Ф.Школкин, отбыв 3-недельное заключение,
самостоятельно выехал из Германии: полиция не осмелилась вы-
звать его царскими властями. 26 ноября 1908 г., за 2 дня до освобо-
ждения Ф.Школкина из тюрьмы, берлинский полицей-президент сооб-
щает прусскому министру внутренних дел: "Я держу его здесь под
надзором. Но если учесть, что это опытный революционер, да к
тому же пользующийся поддержкой немецких товарищей, то трудно
рассчитывать на успех даже в том случае, если направить на него
всю силу".³⁹ 28 ноября, по тем же источникам, Ф.Школкин вые-
зжает поездом из Берлина во Франкфурт-на-Майне, а оттуда 29 но-
ября, в полдень, отбыл в Женеву.⁴⁰

x x x

x

Уже первые контакты К.Диббихта с российскими революционе-
рами, первый опыт, полученный им при защите дела Красикова-Школки-
на, воочию показали молодому адвокату, какое взаимопонимание и
взаимоподдержка существовали между царской Россией и кайзеровской
Германией, когда речь шла о борьбе против революционного движения
в обеих странах. И К.Диббихт начинает неустанно разоблачать эти
недоступные связи монархий обеих стран перед германским и западно-
европейским общественным мнением. Уже в период судебных процессов
над П.Красиковым и Ф.Школкиным он публикует в "Vorwärts" две
статьи-отчета под красноречивым заглавием "Немецкая полиция на
службе у батюшки царя" и "На службе России". В первой из них,
опубликованной 5 ноября 1908 года, разоблачались действия русских
и немецких сыщиков и содержался призыв к российским революционе-
рам быть бдительными. "Все здешние русские, - писала газета, -
должны быть настороже. Именно сейчас в любой момент они должны
расчитывать на домашние обыски, аресты, вызовы в суд и неожидан-
ные визиты. Это доказывает не только случай с Красиковым-Школки-
ным, но и многие другие случаи последних дней, когда тайная поли-
ция на улице или в ресторане, без всякого на то повода, пыталась
по случайной случайности (безрезультатно) "установить личность".
В второй статье, опубликованной газетой 2 декабря 1908 г., в
частности говорилось: "В последнее время неоднократно было заме-
чено, что немецкая полиция оказывает постоянные услуги русским
полицейским. Подобными средствами правительства предполагают бороться
с социалистическим движением. Германское правительство не удов-